

На мрачном небосводе отражались тёмно-красные тени, густой дым от пожаров поднимался из-за дворцовых стен, скрывая кровь, стекающую в щели между серыми каменными плитами. Крики и плач раздавались из лабиринта коридоров, острые лезвия мечей вонзались в плоть, разбрызгивая её. Звон доспехов и тяжелые шаги звучали, как непрерывный бой медного колокола на городских воротах.

ДОНГ! — Солдаты за стенами города, не в силах больше ждать, крепко сжимали в покрасневших от холода руках свои копья, ожидая, пока тучный генерал, сидящий на коне, не прикажет начать штурм. В их ушах непрерывно раздавался звук колокола.

ДОНГ! — Пара черных сапог с вышитыми золотыми драконами, с грохотом ступая по крови и телам, остановилась у входа в главный зал. Звук колокола теперь был едва слышен, словно последний вздох.

ДОНГ! — В этот момент в глубинах императорского дворца Великой Ци царил настоящий ад.

Перед Залом Янсинь осталось всего два стража. Увидев толпу мятежников, они попытались броситься в бой, но в следующее мгновение звенящий клинок разнес их надвое у входа.

Вошедший смотрел спокойно и безмятежно, неспешно шагая вглубь зала, и устремил взгляд на ту фигуру, что восседала высоко во тьме, лицо которой скрывалось под императорским венцом.

Верный евнух, стоявший на ступенях, даже видя, что враги уже внутри, крикнул во весь голос:

— Кто-нибудь, защитите Его Величество!

Но прежде чем он успел закончить фразу, кинжал пронзил его спину. Евнух с трудом открыл глаза, словно хотел что-то сказать, но так и не смог вымолвить ни слова, прежде чем испустил дух.

Человек на троне опустил руку, его холодный взгляд скользнул по окровавленному лезвию. Тонкие губы в свете свечей слегка изогнулись в чарующей улыбке.

— Ли Дэ, жди меня внизу... В одиночку мне не пройти этот путь.

— Давно не виделись, Чжису.

На блестящих стеклянных плитах остались кровавые следы от сапог. Вошедший, не моргнув глазом, убил последнего человека рядом с собой, а затем с улыбкой на лице подошел к ступеням. Его узкие глаза, похожие на змеиные, пристально смотрели на человека на троне.

Когда он снова заговорил, его голос был шутливым, но все тело было напряжено, как тетивы лука, готового в любой момент выстрелить, чтобы обрызгать кровью человека перед ним и не дать ему больше воссесть на этом троне.

— В моем плане были некоторые упущения, и по логике ты мог бы сбежать, но ты все еще здесь, в Зале Янсинь... Неужели ждал меня?

С трона раздался холодный смех.

— Сейчас нам не нужно тратить время на пустые слова. Я задам тебе только один вопрос.

Под звон жемчужных нитей и драгоценных камней императорского венца лицо поднялось вверх. Его черты были невероятно красивы, но ужасный шрам, пересекавший его лицо, почти

полностью разрушил эту красоту, делая его еще более пугающим в мрачном зале.

— Я искренне относился к тебе, будь то в усадьбе клана Гу или в стенах дворца. Почему же ты все время стремился убить меня?

— Искренне относился ко мне?

Человек у ступеней, услышав это, рассмеялся, словно услышал шутку. Затем он резко поднял лицо, открывая черты, сияющие, как луна, словно яркий свет, способный осветить весь зал. Даже с насмешливым выражением лица он был настолько красив, что мог лишить жизни.

— Если бы ты действительно относился ко мне искренне, то не стал бы сидеть на троне после убийства своего предыдущего мужа, а передал бы его мне!

— Передать тебе трон?

Человек на троне усмехнулся, словно услышав что-то смешное. Его губы изогнулись в насмешке, а взгляд стал острым, как клинок. Окровавленный кинжал в его руке пронесся мимо виска человека у ступеней, оставив кровавую царапину на его прекрасной щеке. Черные волосы упали на его плечи, и он мгновенно изменился в лице, придя в ярость.

Прежде чем он успел заговорить, раздался звон императорского венца, и человек на троне медленно поднял руку, указывая на стоящего внизу.

— Синь Линьхуа, если бы я передал тебе трон, ты бы позволил мне дожить до сегодняшнего дня?

Синь Линьхуа усмехнулся, медленно вытаскивая меч. Он провел пальцем по крови на щеке, а затем направил лезвие на лицо человека на троне, произнося каждое слово с холодной ясностью.

— Ваше Величество, вы ошибаетесь.

Человек на троне даже не пошевелился, и в огромном зале раздавался лишь его голос.

Тот был голосом человека, которого он когда-то любил больше всего. С тех пор, как он впервые встретил его в усадьбе в тринадцать лет, он стал его единственной надеждой. Но эта надежда не протянула ему руку, когда он был в отчаянии и готов был упасть в бездну, а вместо этого толкнула его в пропасть, желая разбить вдребезги.

Поэтому, хотя каждое слово сейчас было как острый шип, желающий исколоть его до смерти, он больше не чувствовал боли. В его сердце оставалась только решимость сгореть вместе с врагом.

Тот человек продолжал говорить перед ним, но это не заставляло его двигаться ни на дюйм:

— Я, конечно, опасаюсь Вашего Величества, и упрекаю вас за слишком большой ум. Умные люди всегда вызывают опасения, но вы — тот, кого я люблю... В конце концов, вы отличаетесь от других. Если бы вы только послушались меня, я бы, учитывая, что вы помогли мне захватить трон, относился к вам хорошо.

— У Молодого господина Минхуа с черным сердцем тоже есть тот, кого он любит?

Человек на троне усмехнулся, слегка приподняв подбородок, открывая глаза, скрытые под

венцом.

— Не смейте меня смешить, я в самом деле могу рассмеяться.

— Ваше Величество, если вы можете называть себя императором, то называйте, пока можете.

Видя его безразличие, Синь Линьхуа вспомнил, сколько усилий он потратил после того, как этот человек взошел на трон, и не мог сдержать своей злобы, хотя на лице его все же проскользнула улыбка торжества.

— Через мгновение хозяин этого зала стану я.

В темном зале только его глаза пристально смотрели на него, зажигая невидимый огонь:

— Даже если суждено смениться, ты думаешь — я позволю тебе занять это место?

— Если вы не напишете указ об отречении, не вините Линьхуа в забвении старых чувств.

Человек у ступеней, казалось, наконец не выдержал, и его нога бесшумно ступила на ступеньку. Темно-красная кровь впиталась в красный ковер, смешиваясь с запахом амбры. Его слова были остры, как нож, словно он хотел изрезать человека перед ним на куски.

— Я четвертую ваше величество, чтобы утолить ненависть в сердце.

— Ты ненавидишь?

Человек на троне вдруг рассмеялся, его смех был хриплым и жутким, словно смех демона.

— Синь Линьхуа, ненавидеть должен я, а не ты.

Его белые, как яшма, пальцы указали на человека, стоящего так близко. Императорский венец на его голове поднялся, открывая лицо, искаженное шрамом, которое в полумраке казалось еще более жутким. Это заставило человека, который уже приближался к трону, отшатнуться и отступить на несколько шагов, пока кто-то сзади не схватил его за руку, остановив.

— Мне тридцать три года. Я встретил тебя в тринадцать, и мы знаем друг друга двадцать лет. В любви я не предал тебя! В сердце я был искреннее тебя! А ты... что ты можешь ненавидеть во мне?

Двадцать лет назад он был шуаном от наложницы у Гу Вэньмяня, единственного князя Бинцзянь и князя И Великой Ци.

В усадьбе клана Гу он встретил Молодого господина Минхуа, который пришел ухаживать за законной дочерью Гу Вэньмяня. Его красота и талант были известны по всему Минду, и он был сыном покойного императора, братом нынешнего императора, Великим князем Бао Синь Линьхуа.

Он был мужчиной-шуан, хотя и сыном от наложницы, но мечтал сдать экзамены и сделать карьеру.

Тогда, увидев знаменитого на весь Минду Молодого господина Минхуа, он был глубоко восхищен им и, благодаря его мягкому отношению, быстро подружился с Синь Линьхуа, даже считая его своим другом.

Но, будучи оклеветанным законной матерью, он был вынужден стать женщиной-шуан и превратился в наложницу из приданого законной дочери.

А Князь Бинцзянь Гу Вэньмянь выдал свою законную дочь замуж за тогдашнего наследного принца, единственного законного шуана императрицы.

Он попал в резиденцию наследного принца, но, из-за ненависти своей сводной сестры, не был любим.

После смерти покойного императора наследный принц и императрица внезапно скончались, и на трон взошел четвертый принц Синь Юаньпин. Законная дочь клана Гу снова вышла замуж, став императрицей Великой Ци, а он, переходя из одного места в другое, попал во дворец, став одним из наложников императора.

Жизнь во дворце была скучной и одинокой, и он не был любим. Однажды в императорском саду он снова встретил Синь Линьхуа, и они начали тайно встречаться. Вскоре он естественным образом влюбился в него.

<http://bllate.org/book/16652/1525559>